

ПСИХОФИЗИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА КАК МИФ (К ПРОБЛЕМЕ ОСНОВАНИЙ ГУМАНИТАРНОЙ ПСИХОЛОГИИ)

Кириллов Ярослав Алексеевич
Московский городской
психолого-педагогический
университет

PSYCHOPHYSICAL PROBLEM AS A MYTH (TO A PROBLEM OF BASES OF HUMANITARIAN PSYCHOLOGY)

Y. Kirillov

Annotation

The article is devoted to methodological analysis of psychophysical problem in humanitarian psychology. Based on the ideas of S.L. Rubinstein about need of ontologic revision of psychology, the author proposes to consider the psychophysical problem in humanitarian psychology as a problem of vital relationship between man and man. On the basis of the review of approaches to the solution of a psychophysical problem in psychology the author shows that until recently the most adequate approach to the solution of a psychophysical problem was A.N. Leontyev's approach. However, according to the author, the activity principle on the basis of which the psychophysical problem was solved by A.N. Leontyev can't be applied to a solution of problem of vital relationship between man and man. The author proves that the myth principle should be the basis for decision the psychophysical problem in modern psychology.

Keywords: psychophysical problem, activity principle, mediation, subject-object paradigm, activity approach, myth

Аннотация

В статье проводится методологический анализ психофизической проблемы в гуманитарной психологии. Отталкиваясь от идей С.Л. Рубинштейна о необходимости онтологического пересмотра психологии, автор предлагает рассматривать психофизическую проблему в гуманитарной психологии как проблему жизненной взаимосвязи человека с человеком. Проводится обзор подходов к решению психофизической проблемы в психологии, в котором показывается, что вплоть до последнего времени наиболее адекватным подходом к решению психофизической проблемы являлся подход А.Н. Леонтьева. Однако, как показывает автор, положенный А.Н. Леонтьевым в основу решения психофизической проблемы принцип деятельности не может быть применен к решению проблемы жизненной взаимосвязи человека с человеком. Автор доказывает, что принципом, с помощью которого может быть решена эта проблема, может являться миф.

Ключевые слова:

Психофизическая проблема, принцип деятельности, опосредование, субъект-объектная парадигма, деятельностный подход, миф.

Всякий новый подход в психологии начинался с решения двух фундаментальных проблем – определения предмета психологии и решения психофизической проблемы [41]. Сегодня, когда в российской психологии возникла необходимость создания нового подхода [2, 7], предметом которого являлась бы душа как более широкая область психической жизни человека [22, 2, 7, 34, 6], российские ученые вновь должны обратиться к осмыслению проблемы взаимосвязи психических и материальных явлений.

Психофизическая проблема в последние десятилетия чрезвычайно мало осмыслялась в психологии. Ученые, касающиеся в своих работах психофизической проблемы, до сих пор ставят основной психофизический вопрос гносеологически – как проблему взаимосвязи сознания и бытия [16, 41]. Вместе с тем, в психологии давно уже назрела необходимость более широкой постановки психофизического вопроса – как проблемы взаимосвязи человека и мира. Такая постановка психофизического вопроса в трудах С.Л. Рубинштейна получила название онтологической [39]. Рассматривая психофизическую проблему онтологически, С.Л. Рубинштейн стремился сделать предметом психологии живого человека [36], в

связи с чем психофизическая проблема определялась им как проблема способа существования человека [39]. Однако, заявленный С.Л. Рубинштейном онтологический способ постановки психофизической проблемы не получил окончательного обоснования в психологии.

В этой связи целью нашей статьи является попытка теоретически обосновать онтологический способ постановки психофизической проблемы в контексте современных тенденций развития психологии.

Мы предполагаем, что взаимоотношение человека и мира определяется построением мифа, и что, следовательно, в контексте современных тенденций развития психологии психофизическая проблема должна быть понята через призму категории мифа.

Для достижения поставленной цели нами будут решены три задачи. Мы предполагаем, во-первых, выяснить, как на протяжении истории психологии менялся способ постановки психофизической проблемы; во-вторых, критически проанализировать гносеологический способ постановки психофизической проблемы в психологии; в-третьих, наметить методологические ориентиры для обоснования онтологического способа постановки психофизической проблемы.

Подходы к решению психофизической проблемы в психологии

В "старой психологии", как называл её Л.С. Выготский, психофизическая проблема ставилась дуалистически – как вопрос о взаимосвязи двух разнородных субстанций [10, С. 81]. Основываясь на дуалистическом понимании психофизической проблемы, представители различных подходов в "старой психологии" выделяли три варианта соотношения психических и материальных явлений: психофизический параллелизм (В. Вундт), изоморфизм (В. Келер) и эпифеноменализм (Ж. Пиаже). Однако, согласно Л.С. Выготскому, ни одно из предложенных решений не было адекватно научному методу психологии, ибо исходная постановка психофизической проблемы в корне неверна [10, С. 61–61].

Начиная с работ И.М. Сеченова, психофизическая проблема ставится монистически – как проблема "вписанности" психического во всеобщую связь явлений материального мира [41, С. 283]. В связи с таким решением психофизической проблемы в отечественной психологии возник вопрос о том общем принципе, который определял бы единство психических и материальных явлений. Первый вариант решения психофизической проблемы в духе психофизического единства был предложен И.М. Сеченовым. По мысли И.М. Сеченова, природа психики рефлекторна, и, следовательно, для каждого психического явления необходимо найти соответствующий ему физиологический процесс [41, С. 282]. Такой принцип решения психофизической проблемы получил в психологии название рефлекторного принципа.

Последовательное проведение рефлекторного принципа в психологии, предпринятое после И.М. Сеченова В.М. Бехтеревым в его рефлексологии, завело психологию в методологический тупик. По мысли Л.С. Выготского, рефлексологическое учение не пошло дальше объяснения самых элементарных реакций человека и оказалось "совершенно бессильно и несостоятельно даже перед простейшими проблемами поведения человека" [9, С. 19].

Переосмысляя недостатки рефлекторного принципа, Л.С. Выготский предлагает второй вариант решения психофизической проблемы. По мысли Л.С. Выготского, необходимо изучать не отдельные, видимые простым глазом, реакции человека, а целостный процесс поведения в единстве его осуществленной и неосуществленной сторон [10, С. 87]. В этом процессе поведения именно внутренним, плохо обнаруживаемым реакциям, согласно Л.С. Выготскому, принадлежит ведущая роль в организации поведения человека [там же]. Главным содержанием этих реакций являются, по мысли Л.С. Выготского, рефлексы социального контакта, то есть речь. Именно "в речи и лежит источник поведения и сознания" [10, С. 52]. Рассматривая речь как главный источник поведения, Л.С. Выготский видит в речевых знаках основание взаимосвязи поведения и мира [9, С. 205–206] и утверждает, что в зна-

ке и слове снимается дуалистическое противопоставление субъекта и объекта [9, С. 206]. При этом для Л.С. Выготского основной психофизический вопрос раскрывается как отношение сознания и речи [10, С. 166]. На основании идеи о ведущей роли знака и слова в организации поведения и психики человека Л.С. Выготским разрабатывается принцип знакового опосредования, в соответствии с которым конкретным основанием единства психических и материальных явлений выступает процесс сигнификации, то есть создания и употребления знаков [12, С. 80].

Критически осмысляя предложенный Л.С. Выготским подход к решению психофизической проблемы, А.Н. Леонтьев называет этот подход "словоцентризмом" [29, С. 22–25]. По мысли А.Н. Леонтьева, решение Л.С. Выготским психофизической проблемы идеалистично, поскольку за знаком и словом у Л.С. Выготского стоит "ощущение сознаний", а не реальная жизнедеятельность человека [28; 26, С. 140–141]. Не знак и слово сами по себе, а лежащее в их основании действие выступает, согласно А.Н. Леонтьеву, основанием единства психических и физиологических явлений [26, С. 141].

В работах С.Л. Рубинштейна анализируются два варианта психофизической проблемы: во-первых, связь психики и её субстрата, и во-вторых, связь сознания как психического отражения с объектом, который в нем отражается. При этом второй вариант рассматривается С.Л. Рубинштейном как более приоритетный с точки зрения детерминации психики [38, С. 26].

Критически осмысляя эту мысль, А.Н. Леонтьев пишет, что хотя субстратом психики выступает мозг, однако, связь психики с её субстратом является только предпосылкой, а не детерминантой психических явлений. Главной же детерминантой психических явлений, по мысли А.Н. Леонтьева, выступают объективно-предметные, "экстрацеребральные", отношения, то есть деятельная взаимосвязь человека с предметным миром [27, С. 482].

В работах А.Н. Леонтьева акцент в исследовании психофизической проблемы переносится на выяснение конкретного характера взаимосвязи сознания как формы психического отражения с отражаемым объектом [27, С. 99]. А.Н. Леонтьев утверждает, что эта взаимосвязь осуществляется в деятельности, носящей предметный характер, причем сама предметность, согласно А.Н. Леонтьеву, является конституирующей характеристикой деятельности [27, С. 142]. "Деятельность, – пишет А.Н. Леонтьев, – выступает как процесс, в котором осуществляются взаимопереходы между полюсами "субъект – объект" [27, С. 141]. Идея деятельностного характера взаимосвязи психического отражения с материальным объектом приводит А.Н. Леонтьева к формулированию третьего варианта решения психофизической проблемы в духе психофизического единства, который получает название принципа деятельности [27, С. 143]. В соответствии с принципом деятельности, конкретная взаимосвязь психических и физических явлений возникает в

предметном действии, в котором происходит, как пишет А.Н. Леонтьев, "отнесенность ощущений к внешнему миру" [27, С. 134], в результате чего внешний мир приобретает предметный характер [27, С. 143].

Намеченный в трудах А.Н. Леонтьева принцип деятельности считается наиболее адекватным из всех существующих подходов к решению психофизической проблемы [16, 41]. На протяжении последних десятилетий в отечественной психологии этот подход уточнялся, конкретизировался [19, 14, 24], однако, существенных сдвигов в понимании взаимосвязи психических и физических явлений не происходило.

Постановка психофизической проблемы в гуманитарной психологии

Начиная с 80-х годов в отечественной психологии разрабатывается гуманитарная психология, представители которой стремятся поставить в центр психологического знания целостного человека [2]. В русле гуманитарной психологии на протяжении последних десятилетий развития отечественной психологии происходило переосмысление заявленного в трудах А.Н. Леонтьева предмета психологии, под которым А.Н. Леонтьев понимал психическое отражение [27, С. 99]. Это переосмысление привело гуманитарных психологов к необходимости расширить предмет психологии. В качестве нового предмета психологии в трудах В.П. Зинченко, Б.С. Братуся, В.А. Мазилова, Л.И. Воробьевой, И.П. Волкова, была предложена душа как более широкая область психической жизни человека, охватывающая духовные феномены [22, 2, 34, 7, 6]. Предлагая различные определения нового предмета психологии, гуманитарные психологи в целом сходятся на понимании души, по мысли В.П. Зинченко, как пространства "между": между человеком и миром, между человеком и человеком [23].

Заявление души как более широкого предмета психологии неизбежно привело гуманитарных психологов к критическому осмыслению психофизической проблемы. Осмысляя подход А.Н. Леонтьева к решению психофизической проблемы, гуманитарные психологи находят этот подход слишком узким, игнорирующим духовные феномены [2]. Согласно идеям гуманитарных психологов, центром анализа психофизической проблемы для А.Н. Леонтьева являлось отношение "предметное действие-вещь", в котором происходит опредмечивание субъективных образов [4]. Однако, в таком плане рассмотрения психофизическая проблема решается только для сознания, но при этом в стороне остается проблема личности и её взаимосвязи с миром [39, 46].

По мысли О.В. Гордеевой, психофизическая проблема в трудах А.Н. Леонтьева решалась только для отношения человека и вещи, в связи с чем сознание человека рассматривалось только как "предметное сознание", но при этом в стороне оставался вопрос отношения человека и человека [17]. Взаимоотношения человека с человеком в

трудах А.Н. Леонтьева понимались только как опосредованные предметной деятельностью [27, С. 249]. Между тем, по мысли М.И. Лисиной и С.Д. Смирнова, отношения человека с человеком возникают как первичные по отношению к практическим связям с миром и сами обуславливают практическую деятельность [31, 40, С. 149].

Согласно Л.И. Воробьевой, рассмотрение А.Н. Леонтьевым акта опредмечивания в качестве главного механизма, приводящего к психофизическому единству, позволило исследовать в советской психологии только проблему обретения значения вещью, но оставило в стороне вопрос "опредмечивания" другого человека [7].

В ряде трудов гуманитарных психологов проводится мысль, что основной психофизический вопрос ставился и решался А.Н. Леонтьевым гносеологически, в связи с чем отношение сознания и мира рассматривалось только как познавательное отношение [40, 39, 7]. Однако, в таком подходе к решению психофизической проблемы, как считает С.Д. Смирнов, упускается онтологический план [30, С. 53].

Не смотря на отдельные критические замечания, высказанные гуманитарными психологами в адрес предложенного А.Н. Леонтьевым подхода к решению психофизической проблемы, сама психофизическая проблема, как уже отмечалось нами, не была поставлена в гуманитарной психологии. Прежде всего, в гуманитарной психологии не был сформулирован основной психофизический вопрос. Проведенный нами теоретический анализ позволяет сформулировать основной психофизический вопрос в гуманитарной психологии как проблему жизненной взаимосвязи человека с человеком. Жизненная взаимосвязь человека с другим человеком является более первостепенным вопросом, чем гносеологическое отношение человека и вещи. Это первое отношение является не равным по значению второму, как считал С.Л. Рубинштейн [39, С. 256], а стоит над ним и его обуславливает [31, 40, С. 149].

В соответствии с таким способом постановки психофизической проблемы возникает вопрос о том принципе, на основании которого возможно решение психофизической проблемы в гуманитарной психологии. Мы предполагаем, что проблема жизненной взаимосвязи человека с человеком не может быть решена с помощью принципа деятельности.

Проблема основания психофизической проблемы в гуманитарной психологии

Принцип деятельности неприложим к проблеме жизненной взаимосвязи человека с человеком, поскольку на протяжении всей истории его разработки в философии и психологии этот принцип применялся для осмысления гносеологического отношения человека и вещи. Нацеленность принципа деятельности на осмысление только отмеченного отношения объясняется содержащимися

внутри него и его обуславливающими двумя методологическими схемами – субъект–объектной парадигмой и идеей (постулатом) опосредования.

В ряде методологических исследований, проведенных в последние десятилетия, доказывается, что в основе принципа деятельности лежит субъект–объектная парадигма [15, 7, 18, 20]. По мысли Л.И. Воробьевой, главной чертой субъект–объектной парадигмы является "онтологическая двойственность", разделенность мира на две реальности – "реальность субъекта и реальность объекта, реальность идеального и реальность материального, сознания и бытия" [7, С. 26].

Признавая эту "онтологическую двойственность", А.Н. Леонтьев стремился преодолеть её в теории деятельности, рассматривая деятельность как "процесс, в котором осуществляются взаимопереходы между полюсами "субъект – объект"" [27, С. 141]. Конкретное понимание А.Н. Леонтьевым субъект–объектной взаимосвязи выражается в различении им образа и отражаемого объекта. "Связь образа с отражаемым, – пишет А.Н. Леонтьев, – воспроизводит поляризованность всякого жизненного процесса, на одном полюсе которого стоит активный ("пристрастный") субъект, на другом – "равнодушный" к субъекту объект" [27, С. 125].

Принятие А.Н. Леонтьевым субъект–объектной парадигмы в качестве методологической схемы для раскрытия принципа деятельности в психологии привело к тому, что принцип деятельности оказался несоотносим с проблемой личности, а деятельность оказалась безличной сущностью [46, 37]. По мысли Г.П. Щедровицкого, "деятельность носит безличный характер ... сами люди оказываются принадлежащими к деятельности, включенными в нее либо в качестве материала, либо в качестве элементов наряду с машинами, вещами, знаками, социальными организациями и т.п." [46, С. 88–89]. Осмысляя теоретические проблемы, к которым привело принятие А.Н. Леонтьевым субъект–объектной парадигмы как схемы для раскрытия принципа деятельности, современные ученые отмечают, в частности, невозможность исследовать жизненные отношения людей [30], проблему человеческого существования [7] и субъектное отношение человека к человеку [37, 20].

Вместе с тем, связь субъект–объектной парадигмы с принципом деятельности не является случайной, произвольной. Субъект–объектную парадигму нельзя просто взять и заменить другой методологической схемой, например, субъект–субъектной парадигмой, как предлагает Л.И. Воробьева [7], и уже на основе этой схемы развивать принцип деятельности. Как показывает О.В. Гордеева, принцип деятельности мог развиваться в философии только как реализация субъект–объектной парадигмы [18]. В субъект–объектной парадигме, родоначальником которой считается Р. Декарт, был конкретизирован, по мысли А.Н. Леонтьева, основной гносеологический вопрос о познавательном отношении субъекта и внешнего

мира. Этот вопрос, как считает А.Н. Леонтьев, не был решен окончательно в домарксистской философии. И только в работах К. Маркса, считает А.Н. Леонтьев, было предложено окончательное решение этой проблемы, в соответствии с которым основу человеческого познания составляет практическая, трудовая деятельность человека [27, С. 105].

Таким образом, деятельность в философии и психологии понималась всегда как способ решения исходного гносеологического вопроса о познавательном отношении субъекта и внешнего мира, конкретизированного в субъект–объектной парадигме [35, 21]. Однако, такое понимание деятельности как принципа, осмысляющего взаимосвязь субъекта и объекта, оставляет в стороне другой тип взаимосвязи – субъект–субъектные отношения, или взаимосвязь человека с человеком. Для того, чтобы осмыслить эту связь, увидеть её через призму психологического знания, необходимо, считает Л.И. Воробьева, заменить субъект–объектную парадигму субъект–субъектной схемой [7].

Осмысляя принцип деятельности в советской психологии, О.В. Гордеева отмечает, что в трудах К. Маркса, из которых А.Н. Леонтьев взял основополагающую идею деятельности, сама деятельность рассматривается как способ опосредованной взаимосвязи человека и природы, а отношения между людьми рассматриваются как опосредованные продуктом труда [18]. Эти два типа отношений понимаются К. Марксом, согласно О.В. Гордеевой, как взаимосвязанные и опосредующие друг друга [там же]. В этой связи и у А.Н. Леонтьева, как отмечает Ф.Е. Василюк, два типа отношений – отношение человека к природе и отношение человека с человеком – опосредованы: первое – общественным смыслом, второе – продуктом труда [3]. Опосредованный характер деятельности выступает, согласно Ф.Е. Василюку, неотъемлемой чертой всякой деятельности [там же]. При этом основу самого опосредования в трудах А.Н. Леонтьева, по мысли В.П. Зинченко, составляет предметность [23, С. 531], которая, согласно А.Н. Леонтьеву, является конституирующей характеристикой деятельности [27, С. 142].

Идея опосредования, согласно В.Б. Хозиеву и М. Коулу, первоначально в советской психологии появилась в трудах Л.С. Выготского, который связал её с проблемой знака [43, 25]. По мысли Л.С. Выготского, отношения между людьми опосредованы знаково–символическими средствами и иначе не существуют [8]. Поэтому, как считал Л.С. Выготский, "невозможно общение без знаков" [11, С. 19]. При этом знак понимался Л.С. Выготским как непременно отражающий предметное содержание внешнего мира, а предметность рассматривалась как конституирующая характеристика знака [11, С. 93]. Дальнейшее развитие идеи опосредования в советской психологии, по мысли В.П. Зинченко, происходило в направлении конкретизации опосредованного способа взаимосвязи человека с миром. Поэтому, рассматривая знак как вторичный по отношению к действию, А.Н. Ле-

онтьев предложил на смену знаку категорию деятельности как наиболее адекватно отражающую опосредованный характер взаимосвязи человека с миром [23, С. 529].

Рассмотрение реальности человеческой жизни в трудах А.Н. Леонтьева как опосредованной опредмеченности в деятельности значениями и предметами привело, по собственному мнению А.Н. Леонтьева, к пониманию человеческого существования как искусственного, отгороженного от реальной жизни [27, С. 237], а самого человека как искусственного существа. Само значение понимается А.Н. Леонтьевым как "равнодушное" к живым смыслам человека, отгораживающее человека от реальной жизни [там же].

Как показывает О.В. Гордеева, развертывание идеи (или постулата) опосредования в принципе деятельности породило ряд негативных установок в советской психологии, ставших причиной невозможности исследовать отношения между людьми в их онтологическом аспекте как жизненные. К таким установкам О.В. Гордеева относит главным образом три установки – гносеологизм, функционализм и телеологизм [18].

Главная, однако, причина, по которой постулат опосредования ни внутри деятельности, ни внутри знака, ни внутри какой бы то ни было другой категории, выдвигаемой в психологии в качестве методологического принципа, не может привести к осмыслению реальных, жизненных взаимоотношений человека с человеком, состоит в том, что в основании самого принципа опосредования лежит предметность. Именно предметный характер опосредования неизбежно ведет к тому, что любое человеческое взаимоотношение понимается как подчиненное предметности, обусловленное ею, что означает, по мысли О.В. Гордеевой, что главная детерминанта межличностных отношений лежит не в них самих, а во внешнем бытии, в общественно-исторической природе человеческого поведения и психики [18].

Сама идея опосредования обосновывается А.Н. Леонтьевым следующим тезисом: "Внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет" [27, С. 200]. Это значит, согласно А.Н. Леонтьеву, что активность субъекта обусловлена предметными характеристиками внешнего мира [27, С. 169]. По мысли А.Н. Леонтьева, предметные характеристики мира не проецируются субъектом на мир, а уже содержатся во внешней реальности и только "вычерпываются" субъектом из неё [там же].

Между тем, как считает С.Д. Смирнов, "завершенной теории, объясняющей изначальную отнесенность всех наших ощущений и восприятий к внешнему миру, до сих пор не существует" [40, С. 4]. Развивая эту мысль, С.Д. Смирнов показывает, ссылаясь на эксперименты Д.Н. Узнадзе, что свойство предметности само по себе никак не может быть "вычерпано" субъектом из внешнего мира без внутренней активности субъекта [40, С. 113–116], а сама активность, по мысли С.Д. Смирнова, основана "на

некотором тождестве внутренней природы объектов отражающих с объектами отражаемыми и возникает ... не в результате простого воздействия вторых на первые, но необходимо предполагает встречный процесс, объективное выражение вовне собственной природы субъекта" [40, С. 21]. Таким образом, согласно С.Д. Смирнову, предметность не является первичной данностью, обуславливающей извне активность субъекта, но сама является результатом специфического процесса взаимодействия субъекта с внешним объектом, а именно такого взаимодействия, в котором внутренняя природа отражающего объекта находится в отношении тождества с отражаемым объектом. Это значит, что внешний объект никак не может быть "равнодушен" к внутренней активности субъекта, как считал А.Н. Леонтьев (см. [27, С. 125]), иначе свойство предметности не возникнет! Что же представляет собой внешний объект, который не "равнодушен" к субъекту, а активно взаимодействует с ним? Этим "внешним объектом" может быть только реальный, конкретный другой человек.

Следовательно, за безличным отношением субъекта с внешним объектом, за безжизненной, "равнодушной" предметностью внешнего мира стоят реальные, жизненные отношения человека с человеком. Поэтому, как считает В.К. Шабельников, предметность мира, конституирующая опосредованный характер психики и поведения человека, должна быть заменена субъектностью [44].

Как и субъект-объектная парадигма, постулат опосредования взаимосвязан с деятельностью и сам обуславливает её [23, С. 529]. Принцип деятельности, таким образом, неотделим от субъект-объектной парадигмы и постулата опосредования, а потому неприложим к осмыслению проблемы жизненной взаимосвязи человека с человеком как главного психофизического вопроса в гуманитарной психологии. Следовательно, на место принципа деятельности должен быть поставлен другой принцип. Мы предполагаем, что принципом, с помощью которого могут быть осмыслены жизненные отношения человека с человеком, может являться миф.

Миф как принцип осмысления психофизической проблемы в гуманитарной психологии

В статье Л.И. Воробьевой показывается, что на место субъект-объектной парадигмы при анализе жизненных отношений человека с человеком должна быть поставлена субъект-субъектная схема [7]. Отказ от субъект-объектной парадигмы, как было показано выше, означает также и отказ от принципа деятельности. На место принципа деятельности Л.И. Воробьева выдвигает принцип проекции [7, С. 25]. Однако, вопрос о том, как именно принцип проекции помогает осмыслить психофизическую проблему, остается в работе Л.И. Воробьевой нерешенным. Не будучи осмысленной в каком-либо принципе, сама субъект-субъектная схема не находит своего места в гуманитарной психологии.

Для того, чтобы осмыслить субъект–субъектную схему в гуманитарной психологии, необходимо вскрыть философский контекст, стоящий за ней. Если в трудах К. Маркса субъект–объектная парадигма была осмыслена для внешних познавательных и, в сущности, отчужденных друг от друга отношений человека с объективным миром, то в трудах В.С. Соловьева акцент делается, по мысли Н.О. Лосского, на осмыслении внутренней связи, существующей между человеком и миром, посредством которой, как считает В.С. Соловьев, "субъект может познать абсолютное и внутренне соединиться со всем, что существует в абсолютном" [33, С. 110]. В таком понимании мир воплощается, по мысли А.Ф. Лосева, "в некий конечный и выразительный лик с рельефными складками и чертами, с живыми и умными энергиями" [32, С. 22], то есть становится, по мысли В.К. Шабельникова, субъектен [44]. Именно в таком контексте, как мы предполагаем, и может быть осмыслена субъект–субъектная схема.

Но такой мир, который повернут к человеку, есть миф. Миф же есть, по мысли А.Ф. Лосева, "самое реальное и живое, самое непосредственное и даже чувственное бытие" [32, С. 31], "реально, вещественно и чувственно творимая действительность" [32, С. 36]; он есть "жизненное отношение к окружающему" [32, С. 33]. "Миф, – пишет А.Ф. Лосев, – всегда говорит не о механизмах, но об организмах и даже больше того, о личностях, о живых существах" [32, С.38].

Осмысля субъект–объектную парадигму в философии и психологии, А.Ф. Лосев пишет, что в основе этой схемы лежит представление о мире как об огромном, вселенском дохлом чудище, отчужденном от живого человека и противопоставленном ему [32, С. 125]. Основу же такого представления составляет, по мысли А.Ф. Лосева, "диалектическое недомыслие", нелепо отрицающее существование души [32, С. 137]. По словам А.Ф. Лосева, "материалисты, вырвавши материю из живой системы бытия, абсолютизировали ее в виде единственно возможного бытия. Это привело только к тому, что материя взяла на себя функции сущности" [32, С. 136]. Однако, на деле, как считает А.Ф. Лосев, "материя ... не есть сущность, она есть только реализация, осуществление сущности" [там же]. Вместо этого нелепого отрыва субъекта от объекта они должны быть осмыслены как единство, в связи с чем мир должен быть понят как "одушевленный" [32, С. 137], бытие – как бытие сознания, то есть как "интеллигентно–выразительное бытие" [32, С. 70], а сущность – как "явление сущности" [32, С. 135]. Именно такому живому единству соответствует и им обуславливается субъект–субъектная схема.

Для того, чтобы объективировать субъект–субъектную схему в системе психологических категорий, необходимо задать соответствующий этой схеме постулат, в котором живое единство человека с человеком в реальном мире получало бы свое логическое удостоверение. В трудах К. Маркса субъект–объектная схема объективировалась в

деятельности через постулат опосредования. Однако, как показывает анализ, уже в самом постулате опосредования присутствует отчуждение человека от живого мира, в связи с чем этот постулат оказывается неприменим для объективации субъект–субъектной схемы в указанном контексте.

Анализ схем опосредования в культурно–историческом и деятельностном подходе позволяет выделить в постулате опосредования два важных аспекта. Так, в схеме опосредования, которую предлагает Л.С. Выготский [9, С. 195–196], выделяется взаимосвязь АХ (субъект–средство) и ВХ (объект–средство). Осмысление Л.С. Выготским взаимосвязи АХ позволяет объяснить активный характер поведения субъекта из целесообразности, которую, по мысли Л.С. Выготского, привносит в психику и поведение стимул–средство, то есть знак [11, С. 50]. Однако, с другой стороны, эта же взаимосвязь вынуждает Л.С. Выготского поставить знак равенства между личностью и культурой, понимая под последней систему знакового–символических средств [9, С. 534], то есть, по сути, превратить человека в искусственное существо. Осмысление взаимосвязи ВХ позволяет рассмотреть Л.С. Выготскому и затем А.Н. Леонтьеву устройство человеческого мира как предметного [11, С. 93; 27, С. 143]. Однако, обратной стороной такого осмысления становится невольное превращение Л.С. Выготским другого человека в средство для удовлетворения потребностей субъекта [13, С. 281]. Таким образом, в классической схеме опосредования, предложенной Л.С. Выготским, другой человек может быть осмыслен только как средство, но никогда не предстает как самоцель. То же самое обнаруживается и в схеме опосредования П.Я. Гальперина и А.Н. Леонтьева.

Причина, по которой другой человек не может быть в постулате опосредования раскрыт как самоцель, заключается в неизбежно однонаправленном характере воздействия субъекта на мир, которое изначально задано субъект–объектной парадигмой. Следовательно, для того, чтобы другой человек стал целью, взаимосвязь субъекта с миром должна быть понята как двунаправленная.

Для того, чтобы характер взаимосвязи субъекта с миром мог быть понят как двунаправленный, необходимо расширить постулат опосредования. С целью найти более широкое понимание постулата опосредования мы обратились к анализу трудов Л.С. Выготского, в работах которого был впервые в советской психологии разработан постулат опосредования. В результате нашего анализа мы пришли к выводу, что в основе постулата опосредования в трудах Л.С. Выготского лежит идея удвоения, предложенная Л.С. Выготским для осмысления сознания [9, С. 26]. Именно эта идея позволяет, на наш взгляд, понять миф как принцип для осмысления живой взаимосвязи человека с человеком и решения психофизической проблемы в гуманитарной психологии.

Хотя в работах А.Ф. Лосева миф осмысливается как личностное бытие [32, С. 153], тем не менее, как философ А.Ф. Лосев не предлагает конкретной психологической теории того, как создается миф. Стремясь осмыслить миф в психологии, мы выбрали в качестве конкретной основы для образования мифа процесс подражания. Идея подражания как важнейшего основания культурного развития ребенка активно разрабатывалась в трудах П.П. Блонского и Л.С. Выготского [13]. Вместе с тем, разрабатывая концепцию подражания, Л.С. Выготский, рассматривал подражание как однонаправленный процесс, в котором другой человек выполняет только функцию вспомогательного средства. Вместе с тем, как было показано в работах более поздних ученых, развитие ребенка не может совершаться как однонаправленный процесс. Ребенок развивается не только за счет подражания взрослому, но и за счет обратного подражания взрослому ребенку. Без этого обратного подражания ребенок не сможет развиваться, поскольку у него не будет опор в развитии [5, 31, 47, 45, С. 33; 48, С. 135].

В процессе взаимного подражания ребенка и взрослого, человека и человека возникает активная, живая взаимосвязь психики и мира, которая позволяет ребенку (человеку) предметно соотносить себя с внешним миром, почувствовать во внешнем мире опору для своей личности. Эта опорная функция, которую выполняет внешний, субъектный мир по отношению к субъекту, является центральной для понимания психофизической проблемы в гуманитарной психологии. Именно в результате этой опоры, которую предоставляет субъектный мир субъекту, и возникает личностное бытие, которое переживается самим человеком, в терминологии М. Хайдеггера, как "присутствие", как "бытие-в-мире".

Из этой активной подражательной взаимосвязи двух субъектов, каждый из которых направляет свою активность на удвоение другого, в результате предметной (или субъектной) отнесенности психических образов рождается то, что Ф.Е. Василюк назвал "жизненным миром" [4], и что на деле есть миф как "поражающая своей необычностью выразительная действительность" [32, С.63]. При этом взаимное подражание двух людей друг другу есть такой способ построения жизненного мира, или, по А.Ф. Лосеву, смысловой реальности человеческого бытия [32], который предшествует всякой субъектности в смысле активного, деятельного самосознания, является

"бессубъектным", или досубъектным, и сам обуславливает субъектность человеческого бытия. Но, что самое главное для решаемой нами проблемы, жизненный мир как форма личностного бытия сам может существовать только как активное удвоение, объективно представленное в форме взаимного подражания двух людей, то есть как ритуал. Без ритуала, являющегося активной стороной мифа [42], не возникнет предметности мира как таковой, не будет субъекта, а существование человека, по мысли Б.Д. Эльконина, ссылающегося на Ф. Шеллинга, покроется "мрачной пеленой" [47, С. 49] и превратится, по мысли Ж. Батая, в "неистовствующее сознание", которое Ж. Батай описал в таких терминах, как "слепая жестокость", "бесконтрольные движения", "чудовищный человек" [1, С. 88, 77]. Таким образом, без активно поддерживаемого в живых отношениях человека с человеком мифа возникнет отчуждение психики от мира.

Следовательно, для того, чтобы быть в мире, быть в активной взаимосвязи с реальным миром, человек нуждается в опоре на реального другого человека, поддерживающего и удваивающего его собственное бытие. И эту реальную опору на живого и конкретного другого человеку не заменит никакой знак, никакая деятельность, ибо и знак, и деятельность для того, чтобы быть, сами должны получить удостоверение в мифе.

Таким образом, в гуманитарной психологии психофизическая проблема может быть поставлена и решена как процесс взаимного подражания человека человеку, в котором создается миф как живая действительность человеческого бытия в мире.

Выводы

1. Психофизическая проблема в гуманитарной психологии должна быть поставлена как проблема жизненной взаимосвязи человека с человеком.
2. Принцип деятельности неприложим к решению психофизической проблемы в гуманитарной психологии.
3. Психофизическая проблема в гуманитарной может быть решена как процесс взаимного подражания человека человеку, в котором создается миф как живая действительность человеческого бытия в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батай Ж. Литература и зло. М.: Изд-во МГУ. 1994. 165 с.
2. Братусь Б.С. Опыт обоснования гуманитарной психологии // *Вопр.псих.* 1990. №6. С. 9–17
3. Василюк Ф.Е. К проблеме единства общей психологии // *Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии.* / Под. ред. В.В. Новикова и др. Ярославль: МАПН, 2004. С. 12–31
4. Василюк Ф.Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ. 1984. 200 с.

5. Винникот Д. Маленькие дети и их матери. – М.: НФ Класс. 2007. 80 с.
6. Волков И.П. Слово о душе, необходимое для развития отечественной психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. / Под. ред. В.В. Новикова и др. Ярославль: МАПН, 2004. С. 32–37
7. Воробьева Л.И. Гуманитарная психология: предмет и задачи // Вопросы психологии, 1995. № 2. С. 19–30
8. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. – М.: Педагогика–Пресс. 1993. 224 с.
9. Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Изд–во Смысл; Изд–во Эксмо. 2005. 1136 с.
10. Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. Т 1. – М.: Педагогика. 1982. 488 с.
11. Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. Т 2. – М.: Педагогика. 1982. 504 с.
12. Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. Т 3. – М.: Педагогика. 1983. 368 с.
13. Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. Т 4. – М.: Педагогика. 1984. 432 с.
14. Гальперин П.Я. Введение в психологию: учебное пособие / П.Я. Гальперин. 7–е издание. – М.: КДУ. 2007. 336 с.
15. Гараи Л., Кечке М. Ещё один кризис в психологии! Возможная причина шумного успеха идей Л.С. Выготского // Вопросы философии. 1996. № 5. С. 86–96
16. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. Курс лекций. — М.: ЧеРо, при уч. изд. Юрайт. 2002. 336 с.
17. Гордеева О.В. Влияние марксизма на особенности разработки А.Н.Леонтьевым проблемы сознания. – М.: Изд–во МГУ. 1994.
18. Гордеева О.В. Влияние марксизма на разработку проблемы сознания в отечественной психологии. Автореф. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. – М., 1997. 30 с.
19. Давыдов В.В. Сознание и проблема идеального // Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР. 1996. С. 33–44
20. Дерябо С.Д. Феномен субъектификации природных объектов: Дис. д-ра психол. наук: 19.00. – М. 2002. – 365 с.
21. Деятельность // Психологический словарь. Под ред. Мещерякова Б.Г., Зинченко В.П. – М.: Прайм–Еврознак. 2003
22. Зинченко В.П. Культурно–историческая психология: опыт амплификации // Вопр. псих. 1993, № 4. С. 5–19
23. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. – М.: Языки славянских культур. 2010. 592 с.
24. Ильенков Э.В. Идеальное // Культурно–историческая психология. 2006. № 2. С. 17–28
25. Коул М. Культурно–историческая психология: наука будущего. – М.1997. 432 с.
26. Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл. 2001. 391 с.
27. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2–х т. Т. II.– М.: Педагогика. 1983. 320 с.
28. Леонтьев А.Н. Учение о среде в педологических работах Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 1998. № 1. С. 108–124
29. Леонтьев А.Н. Философия психологии. – М.: Изд–во МГУ. 1994. 228 с.
30. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2–е, испр. изд. – М.: Смысл, 2003. 488 с.
31. Лисина М.И. Формирование личности ребенка в общении. – Питер: СПб. – 2009. 320 с.
32. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. – М.: Мысль. 1994. С.5–216
33. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Советский писатель. 1991. 480 с.
34. Мазилов В.А. Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психологический журнал. 2006. № 1. С. 23–34
35. Можейко М.А., Можейко В.А. Деятельность // Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор. 2001. С. 290–291
36. Мясоед П.А. С. Л. Рубинштейн: идея живого человека в психологии // Вопр. псих. 2009. № 4. С. 108–118
37. Петровский В.А. Психология неадаптированной активности. М.: Горбунок, 1992. 289 с.
38. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2009. 713 с.
39. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика. 1973. С. 255–385
40. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. – М.: Изд–во МГУ. 1985. 231 с.
41. Соколова Е.Е. Введение в психологию: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Изд. центр "Академия", 2005. 352 с.
42. Токарев С.А. Обряды и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М. 1980. Т. 2. С.235–237.
43. Хозиев В.Б. Опосредование в становящейся деятельности. Сургут: Дефис. 2000. 357 с.
44. Шабельников В.К. Предметность и субъектность детерминирующего мира в концепциях психологии // Методология и история психологии. 2006. Том 1. Вып. 1. С.23–40
45. Шпиц Р.А. Психоанализ раннего детского возраста. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга. 2001. 159 с.
46. Щедровицкий Г.П. К характеристике категориальных определений деятельности // Проблема деятельности в советской психологии: Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду Общества психологов. Ч. 1. М., 1977. С. 83–93
47. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития. – М.: Тривола. 1994. 168 с.
48. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды М.: Педагогика. 1989. 560 с.